

Научная статья

УДК 341.1/8

DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.226.250

Сравнительный анализ арктической международно-правовой политики Канады и США



Ольга Сергеевна Магомедова

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Россия, 119454, Москва, просп. Вернадского, 76, olga.magomedova.96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0593-3101>



Аннотация

Международно-правовые позиции государств по актуальным вопросам глобальной повестки могут рассматриваться как результат развития политики этих государств по данным вопросам на настоящий момент. Наблюдающиеся между государствами расхождения не объясняются только современной постановкой проблемы: такие позиции отражают прежде всего характер планомерно формировавшейся международно-правовой политики. На основании данной гипотезы в статье рассматриваются расходящиеся позиции США и Канады по отдельным вопросам в арктическом регионе с точки зрения коренных различий арктической политики каждого из этих двух государств. Если с момента перехода Северо-Западных территорий под управление Канады ее правительство понимало освоение данных территорий как стратегическую задачу закрепления исторического присутствия канадского населения в регионе, то для США наличие северных территорий стало правовой данностью, требующей практических усилий. Результатом активной арктической политики Канады стало выдвижение концепции секторального принципа разграничения арктических пространств, получившее впоследствии законодательное закрепление и международное признание в 1925 г. Все это время и вплоть до 1960-х гг. международно-правовые позиции США по вопросам арктической политики принимались в ответ на шаги Канады. В результате международно-правовая политика США в регионе идет по пути оспаривания позиций Канады, закономерно следующих из арктической политики страны, прежде не вызывавшей сомнений в ее правомерности. С использованием сравнительно-правового, исторического, формально-юридических методов и метода системного анализа в статье исследуются правовые решения, принимаемые государствами в отстаивании своих позиций по трем вопросам — определение линии делимита-

ции морских пространств в море Бофорта, правовая квалификация статуса Северо-Западного прохода и оценка применимости положений Конвенции о морском праве в Северном Ледовитом океане. Объясняется, каким образом Канаде удается быть последовательной в осуществлении ее арктической политики. Раскрываются, какие ошибки может допустить государство, руководствуясь краткосрочными задачами. Следует вывод о весомом значении приверженности государства его ранее принятым международно-правовым позициям в урегулировании новых вопросов.



Ключевые слова

международно-правовая политика, Арктика, секторальный подход, море Бофорта, Северо-Западный проход, Конвенция ООН по морскому праву.

Для цитирования: Магомедова О.С. Сравнительный анализ арктической международно-правовой политики Канады и США // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 226–250. DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.226.250.

Research article

Comparative Analysis of Arctic International Legal Policies of Canada and the United States



Olga S. Magomedova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russia, olga.magomedova.96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0593-3101>



Abstract

International legal positions of States on current issues of international agenda can be regarded as an outcome of international legal policies of these States at the moment. Existing divergencies are not accounted only for a present issues, since such positions are indicative of the character of their consistent international legal policies. Based on this assumption, the research paper reviews different positions of the United States and Canada on some Arctic issues from the perspective of a fundamental difference between the arctic international legal policies of the two States. Since the establishment of Canada's governance over Northwest territories Canada considered their exploration strategically important, whereas United States took their northern possessions for normatively granted. The active arctic policy of Canada resulted in the sector theory, which got subsequently enshrined in law and met international acquiescence in 1925. All the while till 1960-s the United States took up positions on arctic matters in response to Canada's steps. Once the United States arrived at their concrete economic interests in the region, the American international legal policy opted for challenging Canada's positions, which follow from the international legal policy heretofore undoubted. With the use of the comparative method, historical, legalistic and system approaches the research paper provides analysis of the legal solutions of the States for promoting

their positions on three exemplary issues, such as maritime boundary delimitation in the Beaufort Sea, legal status of the Northwest Passage and applicability of the UN Convention of the Law of the Sea in the Arctic Ocean. The article explains how Canada manages to lead consistent international legal policy; demonstrates what mistakes a State might make without firm course of the international legal policy being guided by short-term interests. All considered the research paper concludes on the significance of State's commitment to its assumed positions for solving new questions.



Keywords

International legal policy, Arctic, sector theory, Beaufort Sea, Northwest Passage, UN Convention of the Law of the Sea.

For citation: Magomedova O.S. (2023) Comparative Analysis of Arctic International Legal Policies of Canada and the United States. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 1, pp. 226–250 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-816.2023.1.226.250.

Введение

Два арктических государства, Канада и США, похожи по базовым географическим параметрам и социально-культурным корням. Как зафиксировано в Соглашении о сотрудничестве в Арктике¹, государства признают интересы друг друга в регионе, как и необходимость сотрудничества в продвижении общих интересов в развитии Арктики, безопасности и сохранении уникальной окружающей среды и уклада жизни коренных народов (п. 1, 2 Соглашения). Оба государства входят в так называемую «арктическую пятерку», выступающую центральной силой Арктического совета [Doroshenko I.S., 2020: 278]. Соответственно оба государства заинтересованы в сохранении регионального правового режима Арктики. Вместе с тем названные государства придерживаются совершенно различных позиций по ряду вопросов в арктическом регионе. Значение и содержание этих различий лучше исследовать не при сопоставлении отдельных международно-правовых позиций государств, а при системном анализе этих позиций, составляющих цельную международно-правовую политику соответствующего государства².

Международно-правовая политика — стратегия в отношении международно-правовых норм, которую государство выстраивает исходя из национальных интересов таким образом, чтобы позиции государс-

¹ Agreement Between the Government of Canada and the Government of the United States of America on Arctic Cooperation. E101701 — CTS No. 1988/29. Available at: <https://www.treaty-accord.gc.ca/text-texte.aspx?id=101701> (дата обращения: 17.06.2022)

² Понятие «международно-правовая политика государства» широко используется зарубежными исследователями.

тва могли быть легитимированы в международно-правовом порядке [de Lacharrière G., 1983: 5]. Легитимный статус международно-правовой позиции государства означает признание этой позиции в сообществе государств, соответствующей основным принципам международного права и необходимой в современных условиях развития международных отношений [Krish N., 2005: 374]; [Hurd I., 1999: 386].

Достижение легитимации международно-правовой позиции дает государству возможность выстраивать на ее основе дальнейшие шаги к продвижению своих взглядов о лучшем международно-правовом режиме, в том числе формировать целостные концепции или подходы в регулировании стратегически важных вопросов, например, секторального принципа национального разграничения в Арктике. Легитимация позиции обеспечивается обоснованностью национальных интересов, стойкостью намерений в их реализации, правомерностью и последовательностью соответствующих шагов [Virally M., 1989: 402]. Следовательно, предпосылки формирования позиций государств можно проследить на протяжении всей истории их международно-правовых действий. С этой точки зрения возможно проанализировать корни подхода Канады и США к делимитации границ в море Бофорта, квалификации Северо-Западного прохода, к оценке Конвенции по морскому праву 1982 г.³

Исторические основания современного международно-правового режима Арктики подробно разработаны такими авторами, как Г. Смедал, Р. Волтрин, Дж. Кавелл, П. Беркман, О. Янг, В.Л. Лахтин, С.В. Молодцов, А.Н. Вылегжанин, в частности, политика Канады и США изучена такими исследователями, как Г. Смит, Р. Билдер, Д. Миллер, Д. Фаранд, М. Байерс, Дж. Верхоф, С. Лонгтен. Однако исследование арктической международно-правовой политики государства не ограничивается фиксацией заявляемых позиций и их правовой оценкой, а сосредотачивается на процессе продвижения этих позиций и анализе последствий их утверждения. Данный подход отрицает автономный анализ проблем и противоречий между государствами, но предлагает выявление исторически-сформированного стержня политики каждого из государств, на основе которого последовательно выстраиваются их позиции по отдельным вопросам.

1. Правовые основания арктической политики

Прежде всего Канада и США исходят из неодинаковых оснований арктической стратегии: позиции Канады в регионе основываются на ут-

³ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10.12.1982 // СЗ РФ. 1997. N 48. С. 5493.

верждении исторических прав, тогда как позиции США формируются исходя из договорно-правовых оснований арктического сектора США.

Вся история международно-правовой политики Канады по объективным причинам связана с арктическим направлением. До 1870 г. субарктические территории Канады находились под управлением британской колониальной Компании Гудзонова залива. Территории управлялись в соответствии с Хартией компании (1670) [Lackenbauer P., Kikkert P., 2014: 51]. Территории переходили под управление Канады по мере их освоения. Так, западная часть нынешних Северо-Западных территорий и южная часть территории Нунавут вошли под управление только в 1821 г.⁴ Через четыре года была подписана Санкт-Петербургская конвенция с Англией, которая зафиксировала границу «между Российскими и Великобританскими владениями на твердой земле Северо-Западной Америки» от самой южной точки острова Принц Валлийский к северу вдоль Портлендского канала до 56° с.ш., далее по хребту гор до пересечения меридиана на 141° з.д. и далее по «меридианной линии 141 градуса в своем продолжении до Ледовитого моря»⁵.

Эти положения и сегодня имеют существенное значение при определении правового режима Арктики. Во-первых, речь шла о разграничении «владений», т.е. территорий под суверенитетом договаривающихся государств (полным и исключительным). Во-вторых, разграничение владений по меридианной линии заложило основу секторального деления, которое закрепили в национальном законодательстве спустя 100 лет [Berkman P., Vylegzhanin A., Young O., 2019]. Однако формулировка о черте «по твердой земле до Ледяного моря» позволяет США ставить под сомнение протяженность границы по обозначенному меридиану за пределами береговой линии моря Бофорта [Буник И.В., 2018: 130–131]. В этом смысле западная граница арктического сектора Канады является результатом национального толкования норм, согласованных с одной стороной (Российской империей), придерживавшейся определенной международно-правовой политики, а фактически реализуемая другой стороной (США), которая выстраивает политику, обусловленную иными факторами.

Северо-Западные территории в границах того времени были переданы под юрисдикцию доминиона Канады с правом формирования собс-

⁴ Canadian Arctic Sovereignty. The Canadian Encyclopedia. Available at: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/arctic-sovereignty> (дата обращения: 18.06.2022)

⁵ Санкт-Петербургская Конвенция с Англией относительно разграничения обоюдных пространств владений России и Англии в Северной Америке (Конвенция 1825 г.) / Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия под общ. ред. И. С. Иванова. М., 2013. С. 73.

твенного правительства в соответствии с королевским указом–в-совете от 23.06.1870⁶. Территории, составляющие ныне канадский Арктический архипелаг, были переданы Канаде Британской империей в 1880 г., однако в нормативном акте территории не имели географических характеристик («все британские территории и земли в Северной Америке и все острова, примыкающие к этим территориям и владениям»⁷). Канаде предстояло выстроить политику в регионе таким образом, чтобы как можно скорее внести ясность в правовой режим канадской Арктики.

Однако встает вопрос: можно ли называть арктическую политику Канады на ранних этапах ее становления собственно «международно-правовой политикой суверенного государства»? С формально-юридической точки зрения, после получения арктических территорий под управление Канада продолжала *de jure* оставаться доминионом Великобритании. Поэтому на рубеже XIX и XX вв.⁸ европейские правоведы (Л. Дюги, В. Орландо, Г. Еллинек) не считали Канаду суверенным государством [Данилов С.Ю., 2012: 46]. Таким образом, формально-юридическая точка отсчета ведения Канадой арктической международно-правовой политики не совпадает с моментом начала фактического формирования национального подхода будущего суверенного государства к ведению данной политики. Не зря Г. де Лашаррьер подчеркивал, что ни одна международно-правовая политика не пишется с чистого листа [de Lacharrière G., 1983: 6].

В отличие от арктической международно-правовой политики Канады, США начали выстраивать арктическую политику на основе действовавших международных договорных норм — Конвенции между Россией и Великобританией о разграничении их владений в Северной Америке (1825) (установившей восточную границу российских северо-американских владений) и Конвенции об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний (1867)⁹ (ус-

⁶ Order in Council of 23 June 1870.

⁷ Order in Council of 31 July 1880. «From and after September 1, 1880, all British territories and possessions in North America, not already included within the Dominion of Canada, and all islands adjacent to any of such territories or possessions, shall (with the exception of the Colony of Newfoundland and its dependencies) become and be annexed to and form part of the said Dominion of Canada».

⁸ Так, Л. Дюги писал: «[м]ы не хотим далее обсуждать вопрос, являются ли государствами Канадский доминион или Австралийское содружество; но мы склонны думать, что они не являются таковыми и что в действительности они — не более чем сильно децентрализованные провинции Британской империи». Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. СПб., 2005. С. 184. Цит. по: [Данилов С.Ю., 2012: 19].

⁹ Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний (Конвенция об уступке Аляски 1867 г.). Ст. I. Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества. С. 79.

тановившей западную границу уступаемого владения). Примечательно, что границы устанавливались по географическим координатам (технически достижимым в те времена), а далее по обозначенным медианам *«по прямой линии безгранично к северу, доколе она совсем не теряется в Ледовитом океане»*. Именно благодаря таким формулировкам США получили арктический сектор, установленный в обозначенных договорами границах.

Ценность данной уступки для последующей арктической политики США понятна из контекста. Россия пошла на уступку во избежание утраты территорий в результате потенциального военного конфликта [Петров А.Ю., 2017: 107–108]. Американскому обществу эта сделка, совершенная без очевидных стратегических соображений, казалась «безумством» (*«Seward's folly»* — по имени госсекретаря США Уильяма Сьюарда)¹⁰. Ратификация Конвенции Сенатом стала возможной только благодаря убедительной речи сенатора Чарльза Самнера о потенциальном богатстве приобретаемых территорий минеральными и живыми ресурсами¹¹. Поэтому отсутствие должного энтузиазма руководства страны и общественной поддержки США предопределило несколько инертный характер развития арктической политики этой страны.

2. Характер развития арктической политики

2.1. Активная политика Канады

Становление арктической политики Канады ассоциируется с правительством Уилфрида Лорье (1896–1911) [Cavell J., 2011: 290]. В международном праве того времени приобретение новых земель могло основываться на праве первооткрывателя или действительной оккупации [Cavell J., 2019: 1174]. Поэтому Канада стремилась скорее заявить свои права на территории неосвоенного региона¹². В 1897 г. экспедиция Уильяма Уэйкхама подняла флаг Британской империи на полярной станции Кекертон [Mimeault M., 1998: 56].

¹⁰ Alaska Purchase Treaty: Primary Documents in American History. Library of Congress. Available at: <https://guides.loc.gov/alaska-treaty#:~:text=On%20March%2030%2C%201867%2C%20the,United%20States%20Edouard%20de%20Stoeckl>. (дата обращения: 12.06.2021)

¹¹ Charles Sumner and the Purchase of Alaska. Available at: <https://www.senate.gov/about/powers-procedures/treaties/sumners-alaskan-project.htm> (дата обращения: 18.06.2022)

¹² Как показывает история, спешка канадского правительства была небезосновательна. Так, экспедиция норвежского мореплавателя Отто Свердруп 1898–1902 гг. открыла острова в канадской Арктике (Аксель-Хейберг, Элlef-Рингнес, Амунд-Рингнес), что служило основанием территориальных требований Норвегии до тех пор, пока Норвегия не признала канадского суверенитета над островами в 1930 г.

В 1907 г. сенатор Паскаль Пуарье выдвинул идею арктического сектора в качестве официальной позиции Канады в регионе: «[...] пришло время для Канады сделать формальное провозглашение владения землями и островами на севере Доминиона на протяжении к северному полюсу» [Head I., 1963: 203]. Примечательно, что возможность провести морскую границу по 141 меридиану з.д. ранее рассматривалась как один из вариантов обозначения западной границы британских арктических владений во время подготовки указа-в-совете о передаче британских арктических территорий [Smith G., 1961: 60]. Кроме того, секторальные границы были нанесены на официальные карты Канады в 1904 г. еще до того, как арктический сектор стал предметом дискуссии в канадском парламенте [Cavell J., 2017: 187]. Как объяснял сам Пуарье, секторальное разграничение является наиболее естественным, поскольку оно основано на географических факторах, и не затруднительным, поскольку каждому прибрежному арктическому государству достаточно расширить свои владения до северного полюса [Head I., 1963: 204]. Юристы-международники приветствовали идею, как в целом приемлемое решение проблемы суверенитета в Арктике [Waultrin R., 1908: 417].

В последующее десятилетие канадское правительство занималось практическим подкреплением заявленной позиции: продолжалось размещение атрибутов канадской принадлежности на исследуемых островах и землях, на полное государственное финансирование была переведена запланированная как частная экспедиция В. Стефанссона, благодаря чему она получила ранг «канадской арктической экспедиции» [Стефанссон В., 1948: 7]. Таким образом, Канада предпринимала все возможные шаги, чтобы достичь международного признания своих прав в арктическом секторе¹³.

Однако в начале 1925 г. повысилась вероятность протестов. Норвегия инициировала дипломатическую переписку о правовых основаниях канадских притязаний на о-ва Свердлупа, открытые норвежским исследователем в начале XX века¹⁴. В это же время военно-морской флот США поддерживал и снаряжал всем необходимым экспедицию Дональда Мак-

¹³ Правооснования суверенитета Канады над арктическими территориями были исследованы канадским историком Гордоном Смитом. Его работы получили не только признание историков, но и оказали влияние на правоведов Канады, включая выдающегося юриста-международника Доната Фаранда. Последний утверждал, что канадский суверенитет над арктическим архипелагом был «завершен и закрепен» официальными канадскими экспедициями и другими государственными мероприятиями после 1870 г., тем самым допущена возможность говорить о становлении Канады, как *de facto* суверенного государства, начиная с 1870 г.

¹⁴ L. Collier. Memorandum Respecting Territorial Claims in the Arctic to 1930. 10 February 1930NA, DO 35/167/7. Territorial Claims in the Arctic. p. 119-138. См.: [Lackenbauer P., Kikkert P., 2014: 119–138].

Миллана к Северному полюсу. На этом фоне возникла необходимость выражения канадской позиции. 10 июня 1925 г. в палате общин Чарльз Стюарт (министр внутренних дел) заявил, что «территория Канады простирается до северного полюса между меридианами 60 и 141 з.д.»¹⁵ [Head I., 1963: 203]. В 1926 г. парламент Канады внес поправки в закон о Северо-Западных территориях 1875 г., установив разрешительный (лицензионный) порядок деятельности в арктическом секторе, включая поиск и разработку природных ресурсов¹⁶. В законе Северо-Западные территории определены, как «часть Канады, простирающаяся на север от 60-й параллели с.ш.»¹⁷.

Насколько легитимными эти шаги казались другим государствам? В год провозглашения арктического сектора Канады США реагировали нотой, в которой выразили согласие с арктической политикой Канады, вместе с тем отметив, что признанные нормы международного права требуют эффективной оккупации новых земель¹⁸. Вопрос «оккупации» (занятия) в арктическом секторе Канады оставался моментом напряжения в арктической политике страны до 1933 года, когда было вынесено решение Постоянной палаты международного правосудия по датско-норвежскому спору о Восточной Гренландии [Cavell J., 2019: 1180]. В решении было подтверждено, что для установления суверенного титула в отношении такой территории, как Гренландия, необходимо два элемента — намерение и воля осуществлять суверенитет и принятие действий к осуществлению суверенитета (независимо от того, насколько действенная фактическая оккупация)¹⁹. В канадской Арктике оба элемента были определенно выполнены. В дальнейшем Канада планомерно поддерживала избранную позицию, подтвердив границы арктического сектора в национальном законодательстве, например, в законе о предотвращении загрязнения арктических вод (1970) (ст. 3(1)) [Bilder R., 1970: 7–8].

2.2. Ответная политика США

В начале XX века США могли наблюдать, как серия частных научных экспедиций в Канадской Арктике стала частью государственной поли-

¹⁵ Canada. House of Commons Debates. 1925. Vol. 4, p. 4084.

¹⁶ Northwest Territories Act, RSC 1985, c N-27, para 16 (e), (k).

¹⁷ 'Northwest Territories means that part of Canada that is north of the 60th parallel of north latitude, west of the boundary described in Schedule I to the Nunavut Act and not within Yukon. (Territoires du Nord-Ouest)'. Northwest Territories Act, SC 2014, c 2, s 2.

¹⁸ Suggested Draft Note to the British Embassy, Department of State, Division of Western European Affairs, 16 September 1925 NARA, RG 59, CDF 1910-1929, Box 7156, File 800.014.

¹⁹ Legal Status of Eastern Greenland. PCIJ Series A/B. No 53. P. 63.

тики. В начале 1920-х гг. Канада установила посты королевской полиции на островах Элмир, Девон, Баффинова Земля (1922-1924)²⁰, что подтолкнуло США к заявлению об их интересах в Арктике.

В 1924 г. министр военно-морского флота США Эдвин Денби сообщил о планах направить к Северному полюсу авиационную экспедицию. США вознамерились предупредить открытие в своем арктическом секторе земель и островов экспедициями третьих стран [Horensma P., 1991: 26]. Хотя страна прежде не делала заявлений о принадлежности островов в Северном Ледовитом океане, сохранение арктического сектора соответствовало национальным интересам США. В 1925 г. американский исследователь Д. Миллер назвал основным преимуществом теории сектора ее удобство для арктических государств в утверждении национальной принадлежности арктических пространств. В таком случае, «если Арктические государства удовлетворены таким распределением, то остальному миру придется только принять это» [Miller D., 1925: 52, 60].

Сохранение американского присутствия в Арктике в рамках арктического сектора соответствовало и новым амбициям страны, заявленным в декларации № 2667 о политике США в отношении природных ресурсов в недрах и на морском дне континентального шельфа Декларация установила «юрисдикцию и контроль Соединенных Штатов» над континентальным шельфом, прилегающим к их берегам как над принадлежащим США²¹. С точки зрения теории секторального разграничения арктических пространств США уже обладали такой юрисдикцией в пределах своего сектора. Однако первые проекты, связанные с ресурсами в арктических территориях США, стали разрабатываться только в конце 1960-х гг. с открытием газонефтяного месторождения в Прадхо-Бей на Аляске.

Появление национального интереса (в данном случае экономического) на Аляске активизировало арктическую политику государства. Добыча нефти на Аляске поставила вопрос о возможности ее транспортировки через Северо-Западный проход. Тогда и было совершено первое пробное плавание танкера “Манхеттен”, вслед за чем возник конфликт между США и Канадой о статусе вод Северо-Западного прохода [Nilsson A., 2018: 97].

В декабре 1971 г. был принят Меморандум о национальной безопасности № 144, в котором президент Ричард Никсон провозгласил три

²⁰ The Canadian Encyclopedia. Last Updated April 7, 2021. Available at: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/arctic-sovereignty> (дата обращения: 12.06.2021)

²¹ United States: Proclamation by the President with Respect to the Natural Resources of the Subsoil and Sea Bed of the Continental Shelf. The American Journal of International Law, 1946, vol. 40, no. 1, Supplement: Official Documents, pp. 45–48.

направления арктической политики США²²: во-первых, поддержку устойчивого и рационального развития Арктики; во-вторых, развитие взаимовыгодного международного сотрудничества; в-третьих, защиту первостепенных интересов безопасности в Арктике, включая сохранение принципа свободы морей и вышележащего воздушного пространства.

В 1983 г. арктическая политика США была дополнена четвертым направлением — развитием изучения арктической окружающей среды²³. Именно сфера исследования Арктики стала областью соприкосновения интересов Канады и США в регионе, несмотря на расхождение позиций по статусу Северо-Западного прохода. Так, с 1988 г. действует канадо-американское Соглашение о сотрудничестве в Арктике, в котором стороны взаимно признавали общность интересов в безопасной и эффективной навигации ледоколов в арктических водах в исследовательских целях²⁴.

В 1961 г. США ратифицировали Конвенцию ООН о континентальном шельфе (1958)²⁵ и продолжают пользоваться ее положениями в регулировании вопросов морского права с другими государствами. Примечательно коммюнике США, направленное в 1967 г. Генсеку ООН об оговорках третьих государств, неприемлемых для США. Было заявлено, что «правительство США рассматривало и будет продолжать рассматривать все Женевские конвенции по морскому праву 1958 г. как действующие между США и другими присоединившимися к ним государствами. Однако в отношениях с государствами, сделавшими оговорки, неприемлемые для США, положения Конвенций, в отношении которых приняты такие оговорки, действуют в той мере, насколько они не затрагиваются этими оговорками». Неприемлемой США сочли и декларацию Канады о толковании ст. 1 Конвенции о континентальном шельфе. Канада заявила, что не рассматривает такие особенности рельефа, как впадины и желоба в подводном районе в качестве препятствия для естественного продолжения сухопутной территории прибрежного государства под водой²⁶. Несогласие США с этой позицией проявилось в споре о границах в море Бофорта.

²² U.S. National Security Decision Memorandum 144. December 22, 1971.

²³ U.S. NSDD 90 04/14/1983 [United States Arctic Policy].

²⁴ Agreement Between the Government of Canada and the Government of the United States of America on Arctic Cooperation E101701 — CTS No. 1988/29.

²⁵ Convention on the Continental Shelf. 29 April 1958. United Nations, Treaty Series, vol. 499, p. 311.

²⁶ Convention on the Continental Shelf. Geneva, 29 April 1958. Declarations and Reservations.

3. Делимитация границ в море Бофорта

Канада и США по-разному подходят к определению границы в море Бофорта. Канада считает, что наземная граница, определенная Конвенцией 1825 г., может продлеваться в море. По ст. III Конвенции «черта разграничения между владениями Высоких договаривающихся сторон по берегу твердой земли и по островам Северо-Западной Америки будет проведена [...], и от сей точки пересечения та же меридианная линия 141-го градуса составит в своем продолжении до Ледовитого моря границу между российскими и британскими владениями». Несмотря на очевидность закрепления данной нормой секторального размежевания владений, формулировка о продлении границы «до моря» дает США основание предполагать ограниченность зоны применения принципа сухопутными территориями.

В таком случае, по мнению, США морские пространства должны разграничиваться иначе — по принципу эквидистанции, закрепленному ст. 6 Конвенции о континентальном шельфе, в которой участвуют и США, и Канада. Однако в Конвенции оговаривается, что граница проходит по срединной линии «при отсутствии соглашения, и если иная линия границы не оправдывается особыми обстоятельствами»²⁷. Таким обстоятельством Канада считает права и интересы инувиалуитов (коренных народов Юкона) в указанных акваториях, что зафиксировано в положениях «политики в отношении всеобъемлющих притязаний» (1973)²⁸. В данном споре имеет значение и то, что длительное время США не возражали против осуществления Канадой юрисдикции в спорном районе и лицензирования ею разработки месторождений. На этот факт Канада указывала США, в частности, в ноте от 22.12.1976.²⁹

Однако подход, избранный США в методологии разграничения шельфа в море Бофорта, противоречит национальному интересу увеличения пространства под американской юрисдикцией. Дело в том, что по мнению США предполагаемая граница отклоняется от секторальной линии на 25° к юго-востоку на протяжении первых 10 морских миль от берега, а затем на 17° на оставшемся протяжении до 200-мильного предела, и таким образом, обеспечивает США дополнительным морским пространством площадью порядка 6250 квадратных морских миль [Буник И.В., 2018: 133]. Но при продолжении линии делимитации за пределами 200-мильной зоны по тому же принципу равного отстояния США теряют гораздо боль-

²⁷ Convention on the Continental Shelf Geneva, 29 April 1958. Article 6 (1).

²⁸ Canadian Federal Government's Comprehensive Claims Policy 1973.

²⁹ Diplomatic Note No. 626 from the Embassy of Canada to the US Department of State. 22 December 1976.

ше, чем приобретают ввиду изменения направления береговой линии в дельте реки Маккензи и, самое главное, расположения острова Банкс.

Вопрос так и не был урегулирован: ни одна сторона не хотела идти на компромиссы, чтобы не подорвать свою позицию в других территориальных спорах [Baker J., Byers M., 2012: 72, 74]. В 2016 году новые переговоры привели к совместному заявлению стран об установлении моратория на лицензирование горнодобывающей деятельности в спорном районе, а также о прекращении глубоководного бурения на основе ранее выданных лицензий³⁰. В декабре 2021 г. Канада продлила до конца 2022 г. действие Указа о запрете некоторых видов деятельности в арктических водах (SOR/2019-280), принятого по договоренностям 2016 г.³¹

4. Квалификация Северо-Западного прохода

Канада и США также расходятся в подходах к квалификации арктических вод Северо-Западного прохода. Канада считает эти воды внутренними на основании своего исторического титула суверена. США настаивают на статусе Северо-Западного прохода как международного пролива, апеллируя к критериям международных проливов, сформулированным в решении по делу о проливе Корфу [Byers M., Lalonde S., 2009: 1170]. В 1985 г. США уведомили Канаду о планируемом прохождении американского ледокола через арктические воды Канады без официального разрешения страны. Во избежание прямого конфликта с соседним государством, чье судно намерено пройти через внутренние воды Канады в нарушение национального законодательства страны (без разрешения), Канада делает шаг навстречу планам США, одновременно подтверждая этим шагом свой суверенитет над спорными водами.

В результате напряженной дипломатической переписки, в которой Канада получила все необходимые сведения о планируемом проходе и об осуществляющем его судне, США были уведомлены, что «в исполнение суверенитета Канады над Северо-Западным проходом, правительство Канады выражает согласие на данный проход, и что на основе информации и заверений в соответствии с подразделом 12(2) Закона о предотвращении загрязнения арктических вод, правительство Канады также соизволяет выпустить указ об исключении судна из-под действия требований Канады, установленных подразделом 12(1) указанного Закона»³² [Roach J.,

³⁰ United States-Canada Joint Arctic Leaders' Statement. December 20, 2016.

³¹ Order Amending the Order Prohibiting Certain Activities in Arctic Offshore Waters: SOR/2021-272.

³² Canadian Embassy, Washington DC, Note No. 433, dated July 31, 1985, State Department File No. P85 0118-0711/0714, II Cumulative Digest 2047-2048.

Smith R., 2012: 323]. Таким образом, Канада дала США право прохода своей суверенной волей, не уступая позиции США о том, что такое право транзитного прохода следует из статуса международного пролива.

Однако Канаде было необходимо закрепить статус арктических вод правовыми средствами таким образом, чтобы соблюдение их статуса как внутренних вод не зависело от признания или непризнания исторических прав Канады. Установление прямых исходных линий Указом о географических координатах территориального моря (1985 г.) позволило буквально оградить арктические воды прямыми линиями, исходящими от глубоко изрезанных береговых линий многочисленных островов арктического архипелага Канады³³. Это совершенно не означало отказа Канады от той позиции, что ее суверенные права над арктическими водами обоснованы исторически. Как подчеркнул министр иностранных дел Канады Джозеф Кларк, «эти исходные линии определяют внешний предел исторических внутренних вод Канады»³⁴. Конечно, США выступили с возражением против установления прямых исходных линий. Вопрос был урегулирован в рамках Соглашения о сотрудничестве в Арктике (1988). США согласились, что навигация американских ледоколов в водах, которые Канада объявляет своими внутренними водами, осуществляется только с согласия правительства Канады (параграф 3)³⁵. Таким образом, практика, возникшая спонтанно в 1985 г., вошла в порядок межгосударственных отношений Канады и США. Вместе с тем стороны договорились, что ни данное соглашение, ни последующая практика не затрагивают позиций государств по морскому праву ни в арктических водах, ни в любых других морских пространствах (параграф 4).

5. Позиции сторон по Конвенции ООН по морскому праву (1982)

5.1. Позиция Канады

Во время конференции ООН по морскому праву Канада придерживалась коллективного мнения арктических государств о необходимости сохранения регионального международно-правового режима Арктики [Вылегжанин А.Н., 2013: 27]. Между пятеркой государств была установ-

³³ Canada. Order of 10 September 1985. The Territorial Sea Geographical Co-ordinates (Area 7).

³⁴ Joe Clark, Minister of Foreign Affairs, House of Commons Debates, Sept. 10, 1985, 6463.

³⁵ Agreement Between the Government of Canada and the Government of the United States of America on Arctic Cooperation E101701 — CTS No. 1988/29. para 3.

лена негласная договоренность не допускать на Конференции обсуждений статуса Арктики. Тем самым государства были намерены вывести регион с собственным правовым режимом из-под действия положений универсальной конвенции [Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П., 2017: 291–292]. Вместе с тем стремление Канады к сохранению регионального порядка регулирования навигации выразилось в положениях ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву (1982) (далее — Конвенция 1982 г.) об экологической юрисдикции прибрежных государств в районах, покрытых льдом в пределах исключительной экономической зоны. Введенная норма фактически легитимировала положения канадского закона о предотвращении загрязнения арктических вод (1970)³⁶. Канада ратифицировала Конвенцию в 2003 г.³⁷, а в мае 2019 г. сделала представление об арктическом шельфе в Комиссию ООН по границам континентального шельфа³⁸. Обращение Канады к положениям Конвенции 1982 г. применительно к Арктике кажется идущим вразрез со всей старательно выстраиваемой политикой, основанной на секторальном принципе. Однако этот шаг соответствует национальной цели утверждения суверенитета Канады³⁹.

Прежде принятия решения о ратификации Конвенции 1982 г., Канада должна была убедиться, что определение границы континентального шельфа в соответствии с обязательством об отграничении от Района морского дна по ст. 76 не повредит интересам государства в регионе, где Канада уже осуществляла суверенные права. Ведь для установления границы континентального шельфа за пределами 200 морских миль, государство ограничено 10-летним сроком с момента присоединения к Конвенции для того, чтобы сделать соответствующее представление (ст. 4 приложения II Конвенции 1982 г.). Причин спешить не было.

После того, как Россия ратифицировала Конвенцию в 1997 г. и поспешно сделала представление в Комиссию ООН в 2001 г.⁴⁰, исторически

³⁶ Byers M. Toward a Canada-Russia Axis in the Arctic. Posted on Global Brief. 2012. Available at: URL: <https://globalbrief.ca/2012/02/toward-a-canada-russia-axis-in-the-arctic/> (дата обращения: 21.06.2022)

³⁷ UN. Chronological lists of ratifications of, accessions and successions to the Convention and the related Agreements. Available at: https://www.un.org/depts/los/reference_files/chronological_lists_of_ratifications.htm (дата обращения: 21.06.2022)

³⁸ Canada. Partial Submission of Canada to the Commission on the Limits of the Continental Shelf regarding its continental shelf in the Arctic Ocean. Executive Summary (2019). Available at: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/can1_84_2019/CDA_ARC_ES_EN_secured.pdf (дата обращения: 18.06.2022)

³⁹ Statement on Canada's Arctic Foreign Policy: Exercising : Sovereignty and Promoting Canada's Northern Strategy Abroad. 2010. Available at: https://www.international.gc.ca/world-monde/assets/pdfs/canada_arctic_foreign_policy-eng.pdf (дата обращения: 12.06.2021)

⁴⁰ Submission by the Russian Federation on the proposed limits of the continental shelf of the Russian Federation in the Arctic Ocean beyond 200-nautical-mile zone. 20 December

сложившийся региональный правовой режим пошатнулся [Žuravleva I.P., 2019: 45]. Это мотивирует Канаду ратифицировать Конвенцию в ноябре 2003 г. Затем Конвенцию ратифицирует Дания (2004). Таким образом, три крупнейших арктических государства (по размеру арктического сектора), претендующие на один и тот же район Северного полюса и хребта Ломоносова, вышли на путь применения универсальных механизмов международного морского права в арктическом регионе⁴¹.

В декабре 2013 г. Канада уведомила Комиссию ООН о намерении сделать представление по арктическому шельфу⁴². Роль предварительного уведомления заключается в том, чтобы обозначить позицию государства, которое не сделало представления в 10-летний срок, но занимается его подготовкой и может назвать его ожидаемую дату⁴³.

Канада сделала частичное представление 23.05.2019⁴⁴. В документе объемом свыше 2100 страниц изложены научные данные о канадском континентальном шельфе площадью 1,2 млн. кв. км. Утверждается, что хребет Ломоносова, хребет Альфа и поднятие Менделеева, составляющие Центральное арктическое плоскогорье, образуют подводное продолжение территории Канады⁴⁵. Как видно на приложенных картах, предполагаемый шельф Канады значительно превышает площадь арктического сектора, целиком охватывая район Северного полюса, большую часть арктического сектора США и район стратегически важных подводных нагорий арктического сектора России. Поэтому применение положений Конвенции 1982 г. Канадой может способствовать улучшению положения Канады в Арктике в отношении континентального шельфа.

2001. Available at: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_rus.htm (дата обращения: 21.06.2022)

⁴¹ Норвегия не высказывалась в отношении своего арктического сектора в регионе, поскольку это могло противоречить национальным интересам на Шпицбергене и интересам делимитации в Баренцевом море не по секторальной линии, поэтому ратификация Конвенции в 1996 г. не вызвала удивления, как это было в случае представления России.

⁴² Canada Marks Major Milestone in Defining Its Continental Shelf. Press Release. December 9, 2013.

⁴³ Допущение передачи только предварительной информации до истечения 10-летнего срока было установлено решением Комиссии от 20.06. 2008. Decision regarding the workload of the Commission on the Limits of the Continental Shelf and the ability of States, particularly developing States, to fulfill the requirements of article 4 of annex II to the United Nations Convention on the Law of the Sea, as well as the decision contained in SPLOS/72, para (a), adopted by the eighteenth Meeting of States Parties to the Convention (SPLOS/183).

⁴⁴ CLCS.84.2019.LOS (Continental Shelf Notification). Receipt of the partial revised submission made by Canada to the Commission on the limits of the continental shelf regarding its continental shelf in the Arctic Ocean. May 23, 2019.

⁴⁵ Partial Submission of Canada to the Commission on the limits of the continental shelf regarding its continental shelf in the Arctic Ocean. Executive Summary. CDA-ARC-ES.

5.2. Позиция США

Хотя США участвовали в подготовке Конвенции 1982 г. и Соглашения об осуществлении Части XI Конвенции (1994), Сенат США так и не ратифицировал данных документов⁴⁶. Однако это не мешает США апеллировать к положениям Конвенции 1982 г. по различным вопросам, в том числе применительно к арктическому региону. В свете неоднократно заявляемой приверженности США положениям Конвенции 1867 г., закрепляющим американский арктический сектор и составляющим часть регионального правового режима Арктики⁴⁷, может показаться, что США снова опрометчиво отказываются от долгосрочной выгоды ради краткосрочных амбиций. Но такое поведение имеет рациональное объяснение.

В 1983 г. президент Рональд Рейган объяснил причину отказа США от участия в Конвенции 1982 г.: «Положения Конвенции о глубоководных разработках противоречат интересам и принципам индустриальной страны»⁴⁸. Действительно, ввиду недопустимости оговорок к Конвенции (ст. 309), единственная возможность государства отстраниться от ненужных обязательств — это воздержаться от участия в принципе. При этом президент заявил, что положения Конвенции 1982 г. «в целом подтверждают существующее морское право и практику, и открыто уравнивают интересы всех государств», поэтому в отношении традиционного использования океанов «США будут признавать права других государств в водах за пределами их берегов, как они отражены в Конвенции», и «будут осуществлять и утверждать свои права и свободы плавания и надводного лета во всем мире с соблюдением баланса интересов, как он отражен в конвенции»⁴⁹. Тем самым признавалось применение ряда норм Конвенции в качестве обычно-правовых норм. Вместе с тем оговаривалось, что «США не будут признавать односторонние акты других государств, нацеленные на ограничение прав и свобод плавания и полетов и других прав и свобод, связанных с использованием открытого моря».

⁴⁶ U.S. Treaties Pending in the Senate. Office of Treaty Affairs. Available at: <https://www.state.gov/treaties-pending-in-the-senate/> (дата обращения: 12.06.2021)

⁴⁷ В частности, в контексте установления 200-мильной рыболовной зоны США уведомляла СССР в ноте от 24.01.1977 о своем намерении «уважать линию, установленную Конвенцией, подписанной 30.03.1867 в Вашингтоне».

⁴⁸ United States Oceans Policy. Statement by the President. March 10, 1983. Available at: https://www.gc.noaa.gov/documents/031083-reagan_ocean_policy.pdf (дата обращения: 12.06.2021). Заявление закреплено Директивой о решении по национальной безопасности № 83. National Security Decision Directive No. 83. March 10, 1983. Available at: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-83.pdf> (дата обращения: 12.06.2021)

⁴⁹ Ibid.

США продолжают ссылаться на нормы Конвенции 1982 г. именно как на закрепляющие обычно-правовой порядок (порядок, сформированный международной практикой в водах, отличных от арктических). Настаивая на применении Конвенции 1982 г. в арктическом регионе, США добиваются свободного пользования в любой части Северного Ледовитого океана теми правами, которые в соответствии с региональным правовым режимом осуществимы только при соблюдении национальных норм в зависимости от акваторий⁵⁰. В Директиве об арктической политике (2009) свобода морей названа главным приоритетом⁵¹. Поэтому США считают Северо-Западный проход международным проливом, используемым в международной навигации; также международными США называют проливы Северного морского пути. Такой подход ставит под сомнение исторически сложившиеся права Арктических государств, т.е. часть регионального режима.

Следует отметить, что стремление к утверждению свободы плавания в арктических водах вытекает не из развития арктической политики США (ведь прежде государство соблюдало сложившийся порядок), а из общей их политики свободы плавания, утвержденной в 1979 г.⁵² С этой точки зрения позиция США по свободе плавания в Арктике оказывается результатом распространения общего политического курса на специфический регион без учета его специфики. Такой механический перенос позиции по институту международного морского права в региональный правовой режим порождает ряд вопросов: будет ли государство следовать региональному международно-правовому режиму или обратится к другим международно-правовым основаниям? В арктической политике США ставят вопрос о границах континентального шельфа страны.

В Директиве 2009 г. США обозначали установление границы континентального шельфа за пределами 200 морских миль в качестве одной из задач арктической политики. При этом указывалось, что лучшим способом достижения международного признания и правовой определенности для расширенного континентального шельфа страны является процедура, доступная участникам Конвенции 1982 г. — процедура от-

⁵⁰ Bouffard T. A Developing Maritime Operational Environment: Forward Presence and Freedom of Navigation in the Arctic. NAADSN. Available at: <https://www.naadsn.ca/wp-content/uploads/2021/01/Strategic-Perspectives-A-Developing-Maritime-Operational-Environment-Bouffard.pdf> (дата обращения: 19.06.2022)

⁵¹ January 2009 Arctic Policy Directive (NSPD 66/HSPD 25), para. 5.

⁵² Речь идет о Программе свободы плавания (U.S. Freedom of Navigation Program), реализуемой по двум направлениям, дипломатическому и военному, под руководством госдепа и военного ведомства США (U.S. Department of Defense FoN Program) соответственно. Available at: <https://policy.defense.gov/Portals/11/DoD%20FON%20Program%20Summary%2016.pdf?ver=2017-03-03-141350-380> (дата обращения: 12.06.2021)

граничения от района морского дна по ст. 76. Данная позиция становится понятна в контексте других задач Арктической политики США, утвержденной в 2013 г. В числе 36 инициатив ставилась задача присоединения к Конвенции 1982 г. в рамках международного сотрудничества в регионе⁵³. Пока Конвенция остается не ратифицированной, актуален вопрос: может ли США отграничить свой континентальный шельф в Арктике по положениям Конвенции без ее ратификации?

Положения Конвенции действительно закрепляют понимание института континентального шельфа, сформированное в международной практике и отраженное в положениях Конвенции 1958 г. Документ констатирует статус континентального шельфа как естественного продолжения сухопутной территории государства, тем самым подтверждая факт его существования *ipso facto* и *ab initio*. Следовательно, установление внешней границы континентального шельфа государства за пределами 200 морских миль не зависит от формального обращения к Комиссии ООН по границам континентального шельфа. В то же время порядок установления внешней границы подводной окраины материка, процедурная роль специального образования в этом вопросе, а также система выплат за пользование континентальным шельфом за 200-мильным пределом по ст. 82 составляют новые элементы современного международно-правового регулирования континентального шельфа, внесенные именно Конвенцией 1982 г. [Вылегжанин А.Н., Молодцова Е.С., Дудыкина И.П., 2015: 8–9].

Как подчеркнул председатель Третьей конференции ООН по морскому праву Томми Ко, «положения Конвенции тесно взаимосвязаны и образуют неразрывный «пакет» (package deal)»⁵⁴. С этой точки зрения государство вправе полагаться на положения о континентальном шельфе, только принимая и процедурные аспекты международно-правового регулирования этого института. Однако если обратиться к природе норм, составляющих это регулирования, то они оказываются разделенными на договорные и кодифицированные обычно-правовые нормы [Camino H., Molitor M., 1985: 887]. Следовательно, процедурные положения ст. 76 не могут входить в число положений, которые США признают обычно-правовыми нормами, «как они отражены в Конвенции». Тогда остается вопрос: если США не несут обязательств по отграничению кон-

⁵³ U.S. National Strategy for the Arctic Region. May 10, 2013. P.10. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (дата обращения: 12.06.2021)

⁵⁴ UN. 'A Constitution for the Oceans'. Remarks by Tommy Koh, President of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Available at: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/koh_english.pdf (дата обращения: 12.06.2021)

тинентального шельфа (поскольку такой обычно-правовой нормы нет), но при этом считают определение границ континентального шельфа по процедуре ст. 76 Конвенции 1982 г. наиболее приемлемым (как указано в Арктической политике 2009 г.), могут ли США обратиться в Комиссию ООН в добровольном порядке?

С одной стороны, в Конвенции нет положений, которые указывали бы на исключительное право обращения к Комиссии государств-участников Конвенции. Однако по смыслу Конвенции процедура по ст. 76 неотделима от других процессуальных положений по континентальному шельфу, поскольку в совокупности эти нововведения образуют компромиссный механизм [Nordquist M. et al., 1993: 932]. При разработке Конвенции необходимо было согласовать позиции государств, настаивающих на установлении границ континентального шельфа в пределах 200 морских миль, и государств, выступавших против такого предела. Тогда 200-мильный предел был наделен процессуальным значением: во-первых, континентальный шельф за пределами 200 морских миль следует устанавливать в соответствии с процедурой по ст. 76; во-вторых, пользование суверенными правами на разработку континентального шельфа за пределами 200 морских миль требует ежегодных отчислений или взносов натурой по ст. 82 Конвенции. Таким образом, ст. 76 и ст. 82 взаимообусловлены. Право обращаться к Комиссии без выполнения сопутствующих обязательств противоречит идее международно-правового компромисса.

В то же время Комиссия не вправе отказать государству в рекомендациях установления внешней границы континентального шельфа, поскольку определение подводных окраин необходимо для установления района морского дна «как общего наследия человечества» и определения границ осуществления соответствующих прав государств, предусмотренных Частью XI Конвенции. Установление границ континентального шельфа — это вопрос правовой определенности в применении положений Конвенции 1982 г. [Zinchenko A., 2004: 235]. Однако применительно к арктическому шельфу данный аргумент в пользу свободного использования ст. 76 неприменим. Ввиду малой площади Северного Ледовитого океана, есть ли практический смысл в выделении района морского дна? [Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П., 2017: 285]. Поэтому несмотря на гипотетическую возможность США сделать собственное представление по арктическому шельфу, в конечном счете данному государству придется обратиться к делимитации⁵⁵.

⁵⁵ Available at: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/7-reasons-us-should-not-ratify-un-convention-the-law-the-sea> (дата обращения: 12.06.2021)

Заключение

Международно-правовая политика Канады в Арктике, в отличие от США, выстраивалась волей к освоению региона и установлению суверенитета над землями и островами, примыкающими к регионам, где исторически велась экономическая деятельность канадцев. Характер воли определил динамику развития арктической политики в доктрине, в правительственных решениях, в практике научных экспедиций. Поэтому для Канады исторические основания арктической политики имеют фундаментальное значение. В США необходимость арктической политики появилась после формально-юридического приобретения прав на арктические территории. Поэтому арктическая политика США оказалась в положении «догоняющего» активное утверждение интересов Канады в Арктике. По этой причине различия в позициях США и Канады проявились, только когда США наконец определили практическую ценность арктической политики. Однако стремление США удовлетворить краткосрочные интересы (будь то в навигации или в деятельности, сопряженной с разработкой углеводородных и иных ресурсов), может приводить к парадоксальным ситуациям (например, проведение линии делимитации по принципу равного отстояния в море Бофорта вопреки взаимовыгодной секторальной линии).

Безусловно, государство вправе корректировать отношение к тем или иным международно-правовым механизмам, но это не предполагает отказа от избранной линии международно-правовой политики. Канада идет по пути подкрепления исторических оснований своей арктической политики нормативной силой. Именно поэтому Канада допускает применение универсальных конвенционных положений в арктическом регионе, обращаясь к процедуре отграничения арктического континентального шельфа в Комиссии по границам континентального шельфа. Подтверждение геологических фактов принадлежности Канаде континентального шельфа, выходящего даже за пределы линий арктического сектора, укрепит положение страны в регионе.



Список источников

1. Буник И.В. Спор между США и Канадой о разграничении в море Бофорта (международно-правовой анализ) // Московский журнал международного права. 2018. 2. С. 126–137.
2. Вылегжанин А.Н. Правовое положение Арктического региона в документах / Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия. Т. 3. Применимые правовые источники. М.: Аспект Пресс. 2013. С. 11–44.

3. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Конвенция ООН по морскому праву и правовой режим арктического шельфа // Вестник Воронежского государственного университета. 2017. N 1. С. 284–302.
4. Вылегжанин А.Н., Молодцова Е.С., Дудыкина И.П. Зарубежные исследования права, применимого к отграничению (delineation) и разграничению (delimitation) арктического шельфа // Московский журнал международного права. 2015. N 3. С. 5–23.
5. Данилов С.Ю. Эволюция канадского федерализма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 349 с.
6. Петров А.Ю. Уступка Аляски: дискуссионные вопросы Российско-американской сделки 150-летней давности // Новый исторический вестник. 2017. N 2. С. 103–120.
7. Стефанссон В. Гостеприимная Арктика. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. 514 с.
8. Baker J., Byers M. Crossed Lines: The Curious Case of the Beaufort Sea Maritime Boundary Dispute. *Ocean Development and International Law*, 2012, vol. 43, no. 1, pp. 70–95.
9. Berkman P., Vylegzhanin A., Young O. (eds.) *Baseline of Russian Arctic Laws*. Springer, 2019, 734 p.
10. Bilder R.B. The Canadian Arctic Waters Pollution Prevention Act: New Stresses on the Law of the Sea. *Michigan Law Review*, 1970, vol. 69, no. 1, pp. 1–54.
11. Byers M., Lalonde S. Who Controls the Northwest Passage? *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, 2009, vol. 42, pp. 1170–1210.
12. Caminos H., Molitor M. Progressive Development of International Law and the Package Deal. *American Journal of International Law*, 1985, vol. 79, no. 4, pp. 871–890.
13. Cavell J. 'A little more latitude': Explorers, politicians, and Canadian Arctic policy during the Laurier era. *Polar Record*, 2011, vol. 47, no. 4, p. 289–309.
14. Cavell J. Canada's Arctic sector claim in historical perspective: A response to Alan MacEachen. *Polar Record*, 2017, vol. 53, no. 2, pp. 186–191.
15. Cavell J. The Sector Theory and the Canadian Arctic, 1897–1970. *The International History Review*, 2019, vol. 41, no. 6, pp. 1168–1193.
16. De Lacharrière G. *Politique juridique extérieure*. Paris: Economica, 1983, 236 p.
17. Doroshenko I. The Arctic five: search for a balance of power in the region. *Post-Soviet Issues*, 2020, vol. 7, no. 3, pp. 276–287.
18. Head I. Sovereignty in the Arctic regions. *McGill Law Journal*, 1963, vol. 9, no. 3, pp. 200–226.
19. Horensma P. *The Soviet Arctic*. L.: Routledge, 1991. 256 p.
20. Hurd I. Legitimacy and authority in international politics. *International Organization*, 1999, vol. 53, pp. 379–408.
21. Kolb R. *Réflexions sur les politiques juridiques extérieures*. Paris: Pedone, 2015, 138 p.
22. Krisch N. International law in times of hegemony: unequal power and the shaping international legal order. *European Journal of International Law*, 2005, vol. 16, pp. 369–408.
23. Lackenbauer P., Kikkert P. Legal appraisals of Canada's Arctic Sovereignty: Key documents 1905-1956. *Documents on Canadian Arctic Sovereignty and Security*, 2014, no. 2. 388 p.

24. Miller D. Political rights in the Arctic. *Foreign Affairs*, 1925, no. 1, pp. 47–60.
25. Mimeault M. A Dundee ship in Canada's Arctic: SS Diana and William Wakeham's expedition of 1897. *The Northern Mariner*, 1998, no. 3, pp. 51–61.
26. Nordquist M. et al. (eds.) *The United Nations Convention on the Law of the Sea, 1982: A Commentary. Vol. 2.* Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1993, 1088 p.
27. Nilsson A. The United States and the making of an Arctic nation. *Polar Record*, 2018, vol. 54, no. 275, pp. 95–107.
28. Pharand D. Canada's Arctic Jurisdiction in International Law. *Dalhousie Law Journal*, 1983, vol. 7, no. 3, pp. 315–342.
29. Roach J., Smith R. *Excessive maritime claims.* Leiden: Martinus Nijhoff, 2012, 925 p.
30. Smith G. Transfer of Arctic territories from Great Britain to Canada in 1880, and some related matters, as seen in official correspondence. *Arctic*, 1961, vol. 14, no. 1, pp. 53–73.
31. Smith G. *The Historical and Legal Background of Canada's Arctic Claims.* Centre on Foreign Policy and Federalism, 1973, 2016. 323 p.
32. Virally M. Réflexions sur la politique juridique des Etats. In: Guy Ladreit de Lacharrière et la politique juridique extérieure de la France, Paris: Masson, 1989, pp. 394–402.
33. Waultrin R. La question de la souveraineté des terres arctiques. *Revue générale de droit international public*, 1908, vol. XV, pp. 412–413.
34. Zinchenko A. Emerging Issues in the Work of the Commission on the Limits of the Continental Shelf / Legal and Scientific Aspects of Continental Shelf Limits. Nordquist M. et al. (eds.). Leiden: Martinus Nijhoff, 2004, pp. 223–250.
35. Žuravleva I.P. *International law doctrines on the current status of the Arctic.* Beograd: Školski servis Gajić, 2019. 434 p.



References

1. Baker J., Byers M. (2012) Crossed lines: the curious case of the Beaufort Sea maritime boundary dispute. *Ocean Development & International Law*, vol. 43, no. 1, pp. 70–95.
2. Berkman P., Vylegzhanin A., Young O. (eds.) (2019) *Baseline of the Russian Arctic laws.* Berlin: Springer, 734 p.
3. Bilder R. (1970) The Canadian Arctic Waters Pollution Prevention Act: new stresses on the law of the sea. *Michigan Law Review*, vol. 69, no. 1, pp. 1–54.
4. Bunik I.V. (2018) US–Canada Beaufort Sea maritime boundary dispute in the perspective of international law. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*= Moscow Journal of International Law, no 2, pp. 126–137 (in Russ.)
5. Byers M., Lalonde S. (2009) Who Controls the Northwest Passage? *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, vol. 42, pp. 1170–1210.
6. Caminos H., Molitor M. (1985) Progressive Development of International Law and the Package Deal. *American Journal of International Law*, vol. 79, no. 4, pp. 871–890.
7. Cavell J. (2011) 'A little more latitude': explorers, politicians, and Canadian Arctic policy during the Laurier era. *Polar Record*, vol. 47, no. 4, pp. 289–309.
8. Cavell J. (2017) Canada's Arctic sector claim in historical perspective: a response to Allan MacEachen. *Polar Record*, vol. 53, no. 2, pp. 186–191.

9. Cavell J. (2019) The sector theory and the Canadian Arctic, 1897–1970. *The International History Review*, vol. 41, no. 6, pp. 1168–1193.
10. Danilov S.Yu. (2012) *The evolution of Canadian federalism*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 349 p. (in Russ.)
11. De Lacharrière G. (1983) *Politique juridique extérieure*. Paris: Economica, 236 p.
12. Doroshenko I. (2020) The Arctic five: search for a balance of power in the region. *Post-Soviet Issues*, vol. 7, no. 3, pp. 276–287.
13. Head I. (1963) Sovereignty in the Arctic regions. *McGill Law Journal*, vol. 9, no. 3, pp. 200–226.
14. Horensma P. (1991) *The Soviet Arctic*. L.: Routledge, 256 p.
15. Hurd I. (1999) Legitimacy and Authority in International Politics. *International Organization*, vol. 53, pp. 379–408.
16. Kolb R. (2015) *Réflexions sur les politiques juridiques extérieures*. Paris: Pedone, 138 p. (in French)
17. Krisch N. (2005) International Law in Times of Hegemony: Unequal Power and the Shaping of the International Legal Order. *European Journal of International Law*, vol. 16, pp. 369–408.
18. Lackenbauer P., Kikkert P. (2014) Legal appraisals of Canada's Arctic Sovereignty: key documents 1905–1956. In: Documents on Canadian Arctic Sovereignty and Security, no. 2, 388 p.
19. Miller D. (1925) Political rights in the Arctic. *Foreign Affairs*, no. 1, pp. 47–60.
20. Mimeault M. (1998) A Dundee ship in Canada's Arctic: SS Diana and William Wakeham's expedition of 1897. *The Northern Mariner*, vol. VIII, no. 3, pp. 51–61.
21. Nordquist M. et al. (eds.) (1993) The UN Convention on the law of the sea, 1982: a commentary. Vol. 2. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1088 p.
22. Nilsson A. (2018) The United States and the making of an Arctic nation. *Polar Record*, vol. 54, no. 275, pp. 95–107.
23. Petrov A.Yu. (2017) Alaska's cessation: discussion issues of the Russian-American transaction of 150 years ago. *Noviy istoricheskiy vestnik*=New Historical Herald, vol. 2, no. 52, pp. 103–120 (in Russ.)
24. Pharand D. (1983) Canada's Arctic jurisdiction in international law. *Dalhousie Law Journal*, vol. 7, no. 3, pp. 315–342.
25. Roach J., Smith R. (2012) *Excessive maritime claims*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 925 p
26. Smith G. (1961) The transfer of Arctic territories from Great Britain to Canada in 1880, and some related matters, as seen in official correspondence. *Arctic*, vol. 14, no. 1, pp. 53–73.
27. Smith G. (2016) *The Historical and Legal Background of Canada's Arctic Claims*. Ottawa: Centre on Foreign Policy and Federalism, 323 p.
28. Stephansson V. (1948) *The Friendly Arctic*. Moscow: Geografiz, 514 p. (in Russ.)
29. Virally M. (1989) Réflexions sur la politique juridique des Etats. In: Guy Ladreit de Lacharrière et la politique juridique extérieure de la France. Paris: Masson, pp. 394–402 (in French)
30. Vylegzhanin A.N. (2013) Legal status of the Arctic region in documents. In: Arctic Region: issues of international cooperation. Anthology. Vol. 3. Moscow: Aspect Press, pp. 11–44 (in Russ.)

31. Vylegzhanin A.N., Dudykina I.P. (2017) UN Convention of Law of Seas and legal regime of the Arctic shelf. *Vestnik Voronezhskogo Universiteta*=Herald of Voronezh University, no. 28, pp. 284–302 (in Russ.)
 32. Vylegzhanin A.N., Molodtsov Ye.S., Dudykina I.P. (2015) Foreign research in law applicable to delineation and delimitation of the Arctic shelf. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*=Moscow Journal of International Law, no. 3, pp. 5–23 (in Russ.)
 33. Waultrin R. (1908) La question de la souveraineté des terres arctiques. *Revue générale de droit international public*, vol. XV, pp. 412–413 (in French)
 34. Zinchenko A. (2004) Emerging issues in the work of the Commission on the limits of continental shelf. In: Legal and scientific aspects of continental shelf limits. Nordquist M. et al. (eds.). Leiden: Martinus Nijhoff, pp. 223–250.
 35. Žuravleva I.P. (2019) *International law doctrines on the current status of the Arctic*. Beograd: Školski servis Gajić, 434 p.
-

Информация об авторе:

О.С. Магомедова — аспирантка.

Information about the author:

O.S. Magomedova — Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 17.06.2021; одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted to the editorial office 17.06.2021; approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 17.02.2022.